

Коктебельская сюита

серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

Коктебильская сюита

серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

Геннадий Гончаров

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

Москва

Интернациональный Союз писателей

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г65

Составитель серии Елена Наливина

*Автор выражает сердечную благодарность
акционерному обществу «СОЛГОН» Ужурского района Красноярского края
и лично его директору Борису Владимировичу Мельниченко
за оказание спонсорской помощи в издании книги*

Гончаров, Геннадий

Г65 Сибирские рассказы / Г. Гончаров. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2021. – 160 с. – (Коктебельская сюита).

ISBN 978-5-907395-66-4

Представленный сборник прозы повествует о жизни людей в Сибири и Забайкалье.

В первой части книги развенчивается миф о добрых *красных* и злых *белых*. Истории, поведанные свидетелями той эпохи, не оставляют сомнений: любая гражданская война – это всеобщее озлобление и потеря человеческого облика. Пример тому – Ужурские события.

В охотничьих рассказах и воспоминаниях представлены образы сибиряков – независимых и простых, добродушных и гостеприимных. Эти люди, чей особый характер выковывался в борьбе с суровыми природными условиями, обладают удивительной выносливостью и смекалкой, обращаясь к читателю на особом сибирском говоре.

Особым рефреном в книге звучит беспокойство за судьбу тайги и человека в ней.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Г. Гончаров, 2021

ISBN 978-5-907395-66-4 © Интернациональный Союз писателей, 2021

УЖУРСКИЕ СОБЫТИЯ

Эти рассказы я написал по услышанным ещё в молодые годы воспоминаниям матери о её детстве и девичьей поре, проведённых в сибирском селении Ужур и совпавших с кошмаром революции, гражданской войны и последующими потрясениями вплоть до тридцатых годов.

Родилась мама в Ужуре зимой 1912 года в белорусско-польской семье, высланной из Бобруйска в начале XX века. В ней росли семь сыновей и восемь дочерей. Одна из них – подкидыш, обнаруженная ранним зимним утром на крыльце, спасённая и воспитанная наравне с родными детьми. Святыми людьми были мамины родители. Аборты считали великим грехом и позволили появиться на свет всем жизням, зачатым на ложе любви.

Итак, воспоминания Марии Васильевны Окулич.

АМБАР

В конце прилегающего к нашему дому огорода был забор из пихтовых жердей, за которым раскинулась лужайка, где в летние дни мы играли и развлекались. А за лужайкой стоял амбар, сложенный из толстых кедровых брёвен. Стены его были настолько крепки, что мои братишки не могли в них забить гвозди. Говорили, что амбар принадлежал какому-то купцу. Если мне не изменяет память, то Зимину. Двери амбара были с противоположной стороны. Глядя на него, мы не думали и не гадали, что здесь увидим страшную изнанку революции и гражданской войны.

Рядом с нами стоял пятистенный дом большой семьи Петрониных. Они держали в степи на заимке скот и лошадей – как рабочих, так и запряжных. Кроме того, занимались хлебопашеством. Сам Петронин в молодости

служил в кавалерии, поэтому он любил лошадей, холил их и берёг. Кроме крепких рабочих коней во дворе было несколько выездных, а также верховых красавцев скакунов. Глава семьи и его взрослые сыновья и дочери трудились как проклятые, не зная ни выходных, ни проходных дней. Отдыхали только по религиозным праздникам, да и то поочерёдно. Зато семья жила в полном достатке и пользовалась уважением среди соседей и со стороны местной власти. На сезонные работы приглашали всех желающих на *помочá*¹, а также нанимали подёнщиков из числа бедноты и даже местных бездельников, достойно оплачивая их труд. Но, как и в любом российском поселении, у них, несомненно, были завистники, что и сыграло впоследствии роковую роль в их судьбе.

Мои родители иногда пользовались их помощью, да и сами взаимно в чем-то помогали им. Особенно в присмотре за двором и малыми детьми, когда старшие находились в степи и на пашне. Отец отзывался о соседе как о грамотном, умелом земледельце и рачительном хозяине. В семье Петрониных, как и в нашей, было семь ребят и восемь девчат. Половина их были взрослыми и готовились создать свои семьи.

Но тут произошла революция, и весь прежний уклад жизни был порушен.

Весной 1918 года красногвардейцы арестовали одного из сыновей Петрониных как противника Советской власти. Через несколько дней ранним утром, ещё до восхода солнца, готовясь к посадке картофеля, мы слышали шум и выкрики со стороны амбара. Взобравшись на забор, увидели, что какие-то люди с винтовками ставят лицом к стене амбара мужиков со связанными сзади руками. Среди них был и наш сосед, старший сын Петрониных. Другие

¹ *Помочá* – народный обычай взаимопомощи в Сибири, в основном при уборке урожая.

же, одетые в кожаные куртки, подходили и стреляли им в затылок из больших пистолетов.

Когда убили первого человека, то я от страха свалилась с забора и закрыла уши, чтобы не слышать выстрелы. Но они все равно были слышны, и я при каждом из них вскрикивала. Моя сестра Тося быстро унесла меня домой. Идти сама я не могла: ноги мне не повиновались от увиденного ужаса. Ещё долго, почти до середины лета я по ночам просыпалась и кричала. Мне снился один и тот же сон: как человек в чёрной куртке стреляет в меня из пистолета.

А Петрониным в тот день разрешили забрать тело сына и похоронить по христианскому обычаю. В их семье, да и в нашей тоже, веселье и радость уступили место горю и печали.

Советская власть продержалась недолго. Её свергли, как говорили родители, представители Директории с помощью Чехословацкого корпуса.

Большевиков сменили эсеры. Крестьяне по окрестностям отлавливали представителей «Совдепии» и передавали их властям. И у стен амбара снова зазвучали выстрелы. Теперь настал черёд красных и им сочувствующих. Но среди них почему-то оказался второй сын Петрониных. И его похоронили рядом со старшим братом. Двор соседей всю неделю оглашался рыданиями. Горе снова распростёрло чёрные крылья над этой трудолюбивой и благопристойной крестьянской семьёй.

Осенью Верховный правитель Сибири адмирал Колчак разогнал либерально-демократическое правительство Омской Директории и Комуч (Комитет членов Учредительного собрания), совершив военный переворот и установив диктатуру. Начатые в Омске чистки и расстрелы докатились и до глухой провинции. К стене амбара ставили



не только основных врагов режима Колчака – большевиков и их временных попутчиков анархистов и левых эсеров, – но и сторонников Директории и Комуча: чтобы те своей либеральной демагогией не вносили смятение в умы и разброд в ряды сторонников диктатуры.

Среди таковых арестованных в Ужуре оказался ещё один из сыновей Петрониных – третий по счёту. За что его взяли и в чём состояла его опасность для новой власти, никто не ведал. На этот раз, по словам очевидицы (моей сестры Тоси), жертвы стояли лицом к палачам. Наш сосед получил две пули в грудь и упокоился в третьей семейной могиле.

А крестьяне, отлавливающие как представителей бывшей Совдепии, так и сменившей её Директории, всё никак не могли взять в толк: почему эти враждующие между собой деятели называли себя одним и тем же словом – социалисты?..

Весной 1919 года в Ужур вошли красные партизаны под командованием Перевалова, которых вскоре выбили прибывшие из Ачинска белые каратели. У амбара вновь зазвучали выстрелы, и в его крепкие брёвна впились очередные пули, прошедшие сквозь человеческую плоть.

Среди расстрелянных оказался ещё один Петронин... Кто-то невидимый (из зависти или мелкой мести) слал на эту семью доносы каждой новой власти. Оставшиеся в живых продолжали трудиться на земле, преодолевая горе и несчастья, сохраняя дух личной свободы и независимости. А впереди, с приходом партизан Щетинкина, их ожидала ужасная трагедия, о которой будет поведано в следующем рассказе.

В последний раз амбар принял в свои стены пули в 1921 году, когда чоновцы из отряда Аркадия Голикова (того самого Гайдара) без следствия и суда расстреляли нескольких мужиков, якобы участников банды Соловьёва.

Гражданская война в обстановке взаимной вражды и ненависти собирала кровавую жатву. *Белые, красные, зелёные* и прочие участники смуты отвергли библейскую заповедь «Не убий» и, превратившись в жестоких зверей, предпочитали выяснять отношения с противником только с помощью оружия.

Из числа сдавшихся на милость победителя в живых оставляли только тех пленных, кто переходил на их сторону, а остальных расстреливали. Не щадили и раненых с больными, добывая их на поле боя и в лазаретах, зачастую вместе с врачами, медсёстрами и санитарями. Ни одна из сторон не брала на себя каких-либо моральных обязательств. Когда на кону стояло само существование режима, никто не хотел уступать. Адресованное саратовским чекистам указание Владимира Ульянова-Ленина «Расстреливать всех, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» неожиданно стало единым руководством к действию для всех противоборствующих сторон. Посеявшие ветер пожинали бурю.

По тылам противоборствующих сторон бродили банды бывших уголовников, выпущенных из тюрем Февральской революцией, оставшихся без средств к существованию и не имеющих даже элементарного понятия о моральных принципах. Осознание ими полной безнаказанности вело к бесчисленным грабёжам и убийствам мирного населения. В свою очередь, население вынуждено было вооружаться для самозащиты и мстить своим обидчикам.

Таким образом, шла война всех против всех, и ей не было видно конца.



ПАРТИЗАНСКИЙ ТЕРРОР

*Русский народ – это дрова
в топке Мировой революции.*

Лев Троцкий

Зимой 1919–1920 учебного года я училась в первом классе начальной школы, расположенной далеко от дома. Водили меня туда поочерёдно старшие сёстры, а иногда и братья.

В субботу 3 января 1920-го шёл обильный снег и дул ветер. С раннего утра с окраины посёлка сквозь завывание ветра доносились звуки стрельбы и взрывов. В семье стали обсуждать: идти в школу или не идти.

Отец вернулся со двора и сказал, что за посёлком партизаны Щетинкина ведут бой с отступающими колчаковцами. Те наконец-то уходят. Но народу и от новой власти не следует ожидать ничего хорошего. Так же, как и беляки, будут забирать на нужды своей оравы лошадей, шубы и пимы, сено, фураж, мясо, хлеб и картофель. Жрать-то и потеплее одеваться всем хочется – будь ты белый или красный, или какой-нибудь там ещё серо-бурый-малиновый с проседью. Заодно заберут сбрую и кожевенное сырьё, а то и сани. А потому принудительного отъёма крестьянам, как и прочему люду, не миновать.

Тут мама ему сказала:

– Эх, помолчал бы ты, Васенька! Смотри, на людях это не ляпни. Нас уж и так в эту холодную Сибирь за твой язык сослали. Вот и маемся уж второй десяток лет. Но то были царские паны: они хоть какой-то закон ради приличия соблюдали. А эти партизаны Щетинкина и Кравченко – непонятное сборище битых да грабленых. Шиша да Епиша, да Колупай с братом. Без царя в голове и без Бога в душе. У них другие порядки. Чуть что не так – отведут к амбару